

Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 21 января 2015 г.

Текст: Л. Джуссани. Зачем Церковь. М.: Христианская Россия, 2004.

- *Zamba de mi speranza*
- *My song is love unknown*
- *Liberazione n. 2*

Gloria

Мы начинаем работу над новой книгой школы общины – «Зачем Церковь». Уже с первых страниц четко прочитывается беспокойство отца Джуссани, полностью созвучное тому, о чем говорим мы. На современном этапе истории у нас на глазах происходит то, что мы вслед за Бенедиктом XVI назвали разрушением очевидностей: вещи, совершенно бесспорные для всех с давних пор и до недавнего времени, больше таковыми не являются. Попытка века Просвещения утверждать, что христианские очевидности могут существовать без христианства, окончательно провалилась. Удивительно, но отец Джуссани уже много лет назад забил тревогу: для признания факта недостаточно одного его существования. Отправная точка первой главы – признание факта: «Церковь не является лишь выражением жизни, неким ее проявлением, она *есть* сама жизнь». Однако Джуссани сразу же признает, что на этот счет могут существовать различные мнения. Это не кажется ему странным, и он продолжает: «Тот, кто попытается составить свое представление о ней [проверить истинность своего мнения о Церкви], должен, прежде всего, осознать, что для истинного понимания церковной жизни [вот оно беспокойство: суметь понять жизнь, которой является Церковь] нужно и соответствующее вовлечение». Джуссани прекрасно знает: утверждать существование некоторой жизни и ее понимание – не одно и то же, поскольку между очевидностью реальности и ее пониманием всегда пролегает путь. Поэтому он повторяет: «*Необходимым условием* для понимания жизни является, прежде всего, само наше *соучастие* в ней» (С. 9). Иными словами, отец Джуссани хорошо осознает, что человек нуждается в чем-то, чтобы понять, чтобы осознать находящуюся перед ним реальность. Его воспитательная цель заключается в том, чтобы каждый смог вынести объективное критическое суждение. Он не стремится использовать нас или «вынести нам мозг, он хочет, чтобы каждый смог прийти до объективного критического суждения. И от чего он отталкивается? От наиболее общепризнанного факта. Даже те, кто мог бы усомниться в самой Церкви, согласны, что Церковь – явление религиозное. Джуссани не останавливается на частностях, он просто исходит из того, что проще признать всем и каждому. Как человек способен познать это религиозное явление? Отец Джуссани апеллирует к критерию познания в целом: «Человек <...> находит [признает] только то, что каким-либо образом связано с чем-то уже *присутствующим* в нем». Вот наш инструмент для познания любой вещи. Джуссани приводит пример с чтением Шекспира и Данте, но мы можем сказать то же самое о фильме, романе, поэме или разговоре с другом – динамика та же. Мы можем вступить в отношение с чем-либо, достичь гармонии со сказанными нам словами, если они связаны с чем-то, что некоторым образом уже присутствует в нас. Поскольку Церковь – религиозное явление, религиозная реальность, понять ее можно, только когда активен

религиозный аспект нашей личности. Если же этот аспект пассивен или заблокирован, если на определенном этапе развития он застыл, «нам труднее осознать объективно, критически значение этого религиозного явления», то есть познать его. Джуссани резюмирует: «Должна существовать какая-то взаимосвязь, чтобы возникло понимание» (С.10). Нам эти вещи кажутся хорошо известными, они не вызывают у нас первоочередного беспокойства, но Джуссани именно в них видит источник многих наших проблем: причина трудности восприятия религиозной реальности – в неразвитом религиозном чувстве. Без воспитания религиозного чувства невозможно достичь гармонии с религиозным явлением, и именно поэтому мы легко приходим к «отчуждению от реальности, которая, однако, коренится в самой нашей плоти и духе». Вот почему, работая над книгой «Зачем Церковь» в течение года, а может быть и двух, мы не должны упускать из виду этот призыв отца Джуссани, если хотим понять эту реальность, не умаляя ее и не превращая в абстракцию. Нам предстоит понять жизнь, а не книгу. Нам предстоит понять жизнь! Отец Джуссани, чтобы еще раз прояснить ситуацию, подчеркивает: «Первая трудность при столкновении с проблемой Церкви заключается в понимании». Иными словами, речь о проблеме познания. Если бы без всякой связи со школой общины нас спросили: «Какова, на ваш взгляд, главная трудность в понимании Церкви?» – кто ответил бы, что трудность заключается в понимании? С нами происходит то же, что и с людьми, которые не посещают школу общины. «Трудность вызвана, прежде всего, неразвитым религиозным чувством» (С. 11). По утверждению Джуссани (обратите внимание, он настолько понимает человеческий путь, предстоящий каждому из нас, что дает нам все необходимые инструменты), первая трудность – не этического порядка (она не касается затруднений, с которыми мы сталкиваемся в жизни, или скандалов, которые могут разразиться в Церкви). Нет, нет и еще раз нет! Речь идет о проблеме понимания. Но мы словно не замечаем этого. И Джуссани продолжает настаивать: «Самые тяжелые ошибки в истории человечества всегда коренятся в глубине вопроса» (С. 12) Что же коренится в глубине вопроса? Неразвитость религиозного чувства, ведь только развитое религиозное чувство может быть «незаменимым двигателем» нашей познавательной способности. И напротив, неразвитое религиозное чувство «становится камнем преткновения на каждом этапе пути». Поэтому мы так часто спотыкаемся и отвлекаемся на другие вещи, не понимая, в чем же «камень преткновения». Как же поступает отец Джуссани? «Мы подошли к последнему этапу нашего “Пути”, то есть к книге “Зачем Церковь”, и он возвращает нас к отправной точке», то есть к первой главе «Религиозного чувства», в которой говорится о критерии суждения: об исконном опыте, о религиозном чувстве, позволяющем нам выносить суждение о таком явлении, как Церковь. Получив подобное воспитание, мы можем обнаружить соответствие, позволяющее нам понять причину. «Однако я настаиваю [Джуссани словно думает о нас сегодняшних, неохотно признающих важность вопроса] на том, что это соответствие понятно только живому религиозному чувству, и, следовательно, способствовать ему только через воспитание данного религиозного чувства». Поэтому, работая на школе общины, читая заданные вами вопросы, я понимаю, что вы сразу дошли до сути: до воспитания религиозного чувства.

Вопрос заключается именно в этом. Недостаточное воспитание врожденного религиозного чувства легко влечет за собой наше отчуждение от религиозной реальности. Как же его воспитать? Часто я считаю само собой разумеющимся

и восприимчивость к религиозному чувству (мне кажется, что я уже развил его в себе), и Церковь как ответ на него.

Может быть, у тебя после многих лет работы над текстами о христианском притязании и Церкви, есть какие-то варианты ответа, предположения?

Необходимо следовать за Движением.

Спасибо.

Как постоянно развивать в себе религиозное чувство в рамках повседневной жизни? Я поняла, что не хочу жить тем смыслом, который неосознанно определяю сама, который есть в моей жизни, но не выдерживает испытания ею. Я не желаю обманываться из-за того, что в течение дня недостаточно осознаю собственную потребность в смысле. Мне хотелось бы всегда сознательно и всем существом ощущать его. После дня, прожитого без религиозного чувства, я впадаю в мучительную меланхолию. Однако на самом деле это подталкивает меня к работе, и тексты школы общины становятся чрезвычайно привлекательными и многообещающими.

И как тебя воспитывает то, о чем ты говоришь, как в рамках жизни ты развиваешь религиозное чувство? Что из сказанного тобой имеет отношение к религиозному чувству?

То есть...

Когда тебя охватывает меланхолия, это религиозное чувство?

Да.

Жизнь... Ты можешь проводить время как хочешь, но вечером из глубин прожитого дня проступает меланхолия. Откуда происходит религиозное чувство? Ты сама даешь ответ: из жизни. Но, не осознавая этого, мы продолжим задавать вопрос о том, как постоянно развивать его. Ответ прост: признавая то, что в тебе возникает. Религиозное чувство – это не лекция о религиозном чувстве. Религиозное чувство – это опыт. Среди множества окружающих нас вещей есть эта мучительная меланхолия, рождающаяся от самой жизни. Чем больше мы признаем ее, тем чаще способны начинать вновь с этой точки. Понимаешь? Проблема заключается именно в этом. Что такое религиозное чувство? В двух словах я мог бы сформулировать ответ на этот вопрос, обратившись к пятой главе «Религиозного чувства». Цитирую: «Религиозное чувство входит в действительность нашего “я” на уровне этих вопросов: *оно совпадает с той полной вовлеченностью в жизнь, которая находит в них свое выражение*» (Религиозное чувство. С. 51). Было бы достаточно осознать: воспитание религиозного чувства – это вовлечение в собственную жизнь. Ты замечаешь его в себе в течение дня через усталость, ностальгию, одиночество, через вопросы, которые пробуждает в тебе жизнь. Религиозное чувство совпадает со всем этим. Нет необходимости делать что-то невероятное, необходимо насыщено жить реальностью! Необходимо вовлекать наше «я» в жизнь. Сделаем следующий шаг: как пробуждаются эти вопросы? Ты помнишь, как

пробуждаются вопросы религиозного чувства? Не напоминает ли тебе этот вопрос о какой-то главе книги?

Они пробуждаются во встрече с реальностью.

Во встрече с реальностью. Это десятая глава «Религиозного чувства»: «Как пробуждаются конечные вопросы». Видишь, реальность неизбежно вновь и вновь пробуждает в тебе вопросы. Вопросы пробуждаются в столкновении с реальностью, происходящие события способны пробуждать вопросы, даже если мы равнодушны.

Человек может быть рассеянным, но он не в состоянии избежать ностальгии, охватывающей его вечером. И недавние события еще более отчетливо выявили эти вопросы. Имеет ли отношение к пробуждению вопросов, к этому уровню человеческого опыта, случившееся в Париже? Достаточно, чтобы каждый из нас осознал, как действуют на него подобные факты. «Всякий раз, когда происходят вещи, потрясающие мир, – пишет мне одна из вас, – я ощущаю несоответствие пути, который проделываю [не может не возникнуть вопрос, который не исчерпать ответами, что мы иногда пытаемся дать]. Порой мне кажется, что проблема заключается в моей недостаточной информированности [как будто можно исчерпать природу вопроса информированностью о фактах]. Возможно, мы в общине не помогаем друг другу и не призываем друг друга обратить свой взгляд на совокупность факторов, ограничиваясь бесплодным самоанализом [тогда-то и возникает желание принять всерьез конечный вопрос]. События в Париже стали для меня критическим моментом проверки моего опыта: помогает ли он мне устоять или рассыпается перед такого рода фактами». Как часто в подобных ситуациях мы ищем помощников, мы столь потеряны и рассеяны, что в нас возникает тревожная нехватка какого-либо ответа. Ошеломительные факты пробуждают в нас вопросы, вопиющие к ответу.

Со мной произошло как раз то, о чем ты сказал. Интерес к происходящим событиям не возникает во мне спонтанно. Однако, увидев потрясение многих знакомых, я начала интересоваться фактами и ощутила растерянность. Тогда я стала искать помощи у друзей и в словах папы, смотрела в Интернете, не высказался ли ты или еще кто-нибудь из Движения по этому поводу. Я понимала, что это важно, что нельзя просто пройти мимо таких фактов. Но вскоре я осознала: чего-то не хватало. Потом я сходила на встречу, посвященную христианам на Ближнем Востоке, и после этого непрямого знакомства с живыми свидетелями спросила себя: «Они умирают за Христа, а что я делаю со своей жизнью?» Иными словами во мне возродился вопрос о том, кто для меня Христос, столь конкретный для тех людей. Мне не хватало того, чем я изначально пренебрегла, первой реакции. Я была выбита из колеи и стала сразу же искать кого-нибудь, кто успокоил бы меня.

В чем разница между твоей реакцией от столкновения с определенным событием и поведением тех христиан? Что есть у них такого, чего нет у тебя?

Мне часто не хватает...

Ты слышишь о каком-то далеком насилии, а они испытывают его на собственной шкуре. В чем же разница?

Я часто живу так, будто Христос существует отдельно от жизни. Для них это не так.

И тем не менее ты узнала о Христе, Он перед тобой, ты Его нашла.

Да, я Его встретила, но...

Вот именно. Мы не должны бояться говорить об этом (как сделала ты, написав мне письмо, и как делаешь сейчас перед всеми), потому что это часть пути. Именно здесь и кроется наша трудность. Джуссани говорит: недостаточно «знать», чтобы понять значение того, что мы встретили.

Да.

Продолжай.

Меня поразило, что в конце встречи одна женщина – врач из Ирака – спросила: «Почему, по-вашему, они так живут?» Один из нас ответил: «Потому, что находят это очень разумным». А она добавила: «Дело даже не столько в разумности, сколько в том, что личность Христа всецело очаровала их».

Именно поэтому их поведение разумно!

Да, но я не отдала бы жизнь за разумную идею.

Разумна вера или нет? Есть люди, исполненные уверенности перед ошеломляющими фактами и потому встречающие их лицом к лицу. Нам же часто такой уверенности недостает. Вот что говорится в другом письме: «События в Париже породили во мне страх, а в попытке понять и вынести суждение к нему добавилась и растерянность. Средства массовой информации и диалоги с друзьями только усилили замешательство. В конечном счете, самой конкретной реакцией стал страх, заставляющий смотреть на все происходящее как на ужасную угрозу. Поэтому я обратилась к биографии отца Джуссани и перечитала страницы, связанные с событиями 11 сентября 2001 года. Меня прежде всего поразило то, как он подчеркивает серьезность случившегося. Я тоже потрясена, но моя реакция поверхностна [мы все находимся перед одними и теми же фактами, но кто-то в состоянии уловить их суть, а кто-то остается на поверхности], тогда как Джуссани утверждает, что все является знаком, что реальность положительна, что милосердие Бога – это самое великое слово. Если я не понимаю причины, которая позволяет ему утверждать положительность реальности, то могу даже восхвалять Джуссани за эти слова, но они никогда не станут моим собственным суждением [вот в чем проблема: я могу повторять суждение другого человека, но оно никогда не станет моим, если я не проделываю опыт этого человека], а страх станет еще конкретнее». Можно повторять суждение другого человека, но страх останется, потому что он побеждается лишь опытом, как мы скажем чуть позже. «И тогда я задала себе вопросы о своих страхах. Я не хочу, чтобы погибали люди, я не хочу, чтобы мои друзья погибали, я не хочу, чтобы мы страдали, я не хочу упадка нашей противоречивой цивилизации. И я слышу за всеми

этими «не хочу» голос неистребимого стремления к свершению жизни. Именно это конечное следствие заставляет звучать слова отца Джуссани сквозь мои страхи, и его слова становятся разумными, потому что соотносятся с этим конечным следствием. Таким образом мне становится ясна и фраза из второй главы книги «Зачем Церковь»: «Он являлся объективной реальностью, воспитывавшей человеческую субъективность» (С. 26). На меня влияет историческое присутствие, оно находит отклик в моей глубинной сущности, и я могу наконец оставить в стороне попытку анализа и реакции и начинаю смотреть на происходящее, признавать его. Это знаки семени, о котором ты, цитируя отца Джуссани, говорил в своем рождественском письме, опубликованном в *Corriere della Sera*: «Мы поистине <...> первые в том глубинном изменении, в той глубинной революции, которая никогда – утверждаю: никогда – не будет заключаться, вопреки нашим притязаниям, в чем-то внешнем, в социальной реальности»; «она никогда не настанет в культуре или в жизни общества, если прежде не [произойдет] <...> в нас <...> если не начнется между нами <...> эта революция самих себя, восприятия самих себя <...> непредвзято, без какой-либо предварительной подстраховки» (*Та кажущаяся хрупкость, что продолжает ставить перед нами вопросы*. *Corriere della Sera*. 22 декабря 2014 г.). Действительно, что пробудило все эти вопросы и вывело нас из состояния благополучного спокойствия? Факты. Жизнь всегда полна фактов (слава богу, не все они столь печальны), которые так или иначе пробуждают вопросы. Один человек меня спрашивает: «Почему именно христианство должно стать ответом на проблему, как говорится в школе общины?» Этот вопрос необходимо оставить открытым, потому что нам на протяжении всей книги предлагается проверить, действительно ли Христос является ответом на поставленный вопрос. Вот проблема Церкви: возможно ли достичь объективной уверенности в том, что именно христианство отвечает на религиозный вопрос. Такова наша рабочая гипотеза. И никто не может ответить вместо нас. Ты можешь прочитать ответы отца Джуссани в книге, но, как только происходит какое-либо событие, ты теряешься (как неоднократно произошло со многими из нас в последние дни), если суждение не стало твоим. Эта рабочая гипотеза и есть путь книги «Зачем Церковь», которую не нужно учить наизусть, но словами которой необходимо жить, чтобы проверять, отвечает ли на вопросы религиозного чувства, поставленные жизнью, то, что передает и что позволяет переживать на опыте Церковь – является ли Христос ответом на драму жизни.

Я прочитала в Интернете статью о фундаменталисте, который призывал насилловать христианок и обезглавливать христиан, и во мне возник вопрос: как Господь, говорящий, что любит нас (я думала именно о христианах), позволяет жить такому человеку? Почему Он не избавится от него? Почему Он позволяет, чтобы невинные женщины и мужчины становились жертвами такого неслыханного насилия только из-за того, что они верят иначе?

Смотрите, по сути наша реакция ничем не отличается от действий тех, кого мы критикуем! Она той же самой природы: реакция, продиктованная поступками другого человека. Есть ли какая-то разница?

Чем больше я задавала себе подобные вопросы и старалась представить безграничные страдания людей, вынужденных каждый день испытывать страх перед насилием, тем больше во мне рождалось возмущение происходящим. Однажды вечером во время мессы священник, комментируя Евангелие, сказал: «Когда Господь творил нас, Он неотрывно смотрел на Иисуса». Эти слова вновь вернули меня к вопросу, сопровождавшему меня весь день: «Как возможно, чтобы Господь, глядя на Иисуса, сотворил и этого злого человека, который Иисуса ненавидит – настолько, что убивает, тех, кто любит Его?» Но проповедь продолжилась. И вот священник прочитал фразу из Евангельского отрывка

того дня: «И Слово стало плотью и обитало с нами». Во время Литургии Слова я восприняла ее как хорошо знакомую, но когда он повторил ее на проповеди, мне словно дали пощечину. И я вдруг вспомнила свою самую первую встречу со Христом. Я была таким же человеком, как этот фундаменталист, и ненавидела все связанное с верой, считала ее уделом слабаков, издевалась над теми, кто имел свое кредо, кем бы они ни были. Я сказала себе: «Когда Христос склонился к тебе, ты была далека от идеала благочестия и доброты, ты была переполнена злом до самых краев, ты даже к Его народу не принадлежала, потому что не получила Крещения! Но это не помешало Христу прийти к тебе, чтобы любить каждый день твоей жизни». И это понимание, кроме того, что открыло мне истину о самой себе и освободило от искушения, сопровождавшего меня целые дни напролет, наполнило меня состраданием к тому человеку, и я препоручила его Господу в молитве. Продолжив ненавидеть его, я перечеркнула бы прежде всего опыт, сделанный со Христом с первого момента встречи и до сегодняшнего дня. До сих пор я считала слова Иисуса о любви к врагам слишком радикальными. Но, после того как они стали моим опытом, я не могу считать их содержание невозможным. Поистине моим сердцем управляет любовь Иного ко мне, потому что я очень давно не была такой свободной. Я хотела бы поблагодарить тебя за работу этого года, за то, как ты настаиваешь на обращении к сути собственного «я», позволяющем встречаться со всеми вызовами жизни. Только принимая всерьез то, что происходит со мной при ответе на вызовы реальности, я могу постичь суть вопросов. Любой другой метод способен дать мне только предположения – возможно, хорошие и справедливые, но бесплодные.

Видите? Мы можем знать, что Слово стало плотью, но нами владеет иная реакция. До тех пор, пока человек не осознает, что он получил. Но ты бы не поняла это столь отчетливо, если бы не тебя не пробудил, не поразил вопрос, благодаря которому ты смогла уловить ответ, прозвучавший в проповеди священника (ты слушала бы проповедь так же, как мы обычно слушаем...). Чтобы уловить даже толику истины, нужен вопрос, нужно пробужденное религиозное чувство, а иначе из всего сказанного мы вынесем только слова. Дело ведь не в том, что нам не сказали об истине! Даже повторения нескольких евангельских слов порой достаточно, чтобы мы осознали масштаб ответа, которым является Христос! Проблема в том, что в большинстве случаев у нас нет вопроса, и потому мы ничего не улавливаем. Вот где корень проблемы, на который указывает Джуссани, понимаете? Это не вина того или иного человека, дело в том, что мы не в состоянии уловить ответ и, как следствие, чувствуем «отвращение» по отношению к описываемому в книге, отвращение, буквально заставляющее нас спасаться бегством. Как можно победить отвращение?

На последней школе общины ты вновь поставил нас перед фактом: без метода, переданного нам Джуссани, мы не способны признать истину и неотъемлемость христианского факта от жизни. Я пережила именно это. В понедельник на диаконии со студентами я вновь ясно увидела привлекательность жизни Церкви, события Христа, которое она переживает здесь и сейчас, увидела благодаря тебе – человеку, принимающему это событие и постоянно сравнивающему его с собственным сердцем. Глядя на тебя, слыша твои вопросы («Что такое Рождество?», «Какое отношение имеет Рождество к произошедшему во Франции?»), я наконец смогла отдохнуть.

Казалось, что Рождество совершенно бесполезно перед лицом парижских событий! Словно требовалось что-то другое. Рождество, которое мы только что отпраздновали, не оставило в вас и следа и не помогало вам смотреть на произошедшее. Такую проблему не решить с помощью очередного плаката! На протяжении всей диаконии я вынужден был настаивать на этой связи. Кто из нас в атмосфере всеобщей растерянности ощутил

связь парижских событий с Рождеством (которое, вне всяких сомнений, мы отпраздновали самым благочестивым образом)?

Сквозь полное замешательство, царившее в последние дни, благодаря твоему неустанному терпению, ты донес до моих ушей и сердца истину, извлек меня из руин. Ты не ответил, а спросил. Чем является христианское событие для меня? Оно меня касается? Интересно ли оно мне? Почему? Услышав эти вопросы, я вернулась к самой себе: ощущая боль от того, как я далека, и бесконечную взволнованность. Я на опыте прожила то, что жизнь Церкви, которая облекается в плоть у меня на глазах, в первую очередь заставляет меня жить на том уровне, который отец Джуссани называет религиозным чувством. Мне не хватает постоянства этого опыта, но я не боюсь, потому что есть место, где я вновь обретаю такое сознание. На каритативе со мной происходит то же самое. Какой дар – иметь место, в котором вновь обретаешь сознание о человеческой судьбе. Меня глубоко поразило то, как Джуссани шаг за шагом описывает меня в первой главе, особенно когда говорит об отвращении человека по отношению к господству религиозного чувства. Рана первородного греха действительно заключается в этом, потому что именно отсутствие вопроса не позволяет мне принять Его любовь, проявляющуюся в реальности. Именно встреча с тобой в понедельник пробудила меня и позволила заново открыть религиозное чувство, а также по-новому посмотреть на отношение с мальчиком, с которым я делаю каритативу. Так я понимаю, почему Джуссани говорит о разделении жизни с Церковью; без Церкви мое сердце вновь покрывается коростой. Видеть, как ты наслаждаешься событием Христа, поскольку переживаешь его всем сердцем, – настоящее отдохновение.

При мысли об этом отвращении меня больше всего поражает, как его смог преодолеть блудный сын. Именно из-за него он ушел из дома, где чувствовал себя в заточении, где все факторы жизни были определены. Поразительно, что победить отвращение ему удалось не в борьбе с ним и не путем аскезы. Он не сказал: «Теперь я умею больше умерщвлять себя, пора домой, к отцу». Так отвращение не победить. Блудный сын научился бы лучше владеть собой, но не избавился бы от того же скрытого отвращения. Победить отвращение вплоть до возвращения домой ему помогло осознание собственной нужды. Именно об этом главным образом и говорит отец Джуссани: мы чувствуем отвращение (которое, возможно, появится в определенные моменты работы над этой книгой), поскольку больше не осознаем собственную драму и нужду. Оно побеждается не в борьбе, а через сознание о том, чем мы являемся и какова наша нужда. Когда человек понимает, в чем состоит его нужда (как блудный сын), он больше не вспоминает об отвращении! Поэтому парижские события, как и все остальное, что совершает Тайна или что Она попускает, служат нашей зрелости. Многие почувствовали бессилие. На него мы должны обратить внимание в первую очередь. Почему подобные факты одних приводят в замешательство, тогда как другим – мы это видели – его удастся избежать? Тут приоткрывается опыт, который проделывает каждый из нас. Перед нами событие, затронувшее всех, пережитое каждым. И каждый из нас может объективно посмотреть на то, как именно он его пережил: не требуется, чтобы кто-то со стороны об этом рассказал. Вот простая проверка личного пути, выявляющая природу того, что делает нас бессильными или растерянными. Мы обычно думаем, будто замешательство провоцируют факты, будто именно они являются причиной нашей растерянности, однако это не так. Причиной ее являются не факты – они лишь выявляют глубину нашего замешательства. Факты не в состоянии породить хрупкость или растерянность: может, только в том, кто заведомо хрупок и растерян – в таком случае достаточно любой мелочи. Вот почему столь

важно наблюдать за собой в действии. Наша задача не в том, чтобы красиво выступить на этой встрече; нам важно понять, проделать путь и вынести о нем суждение. Многие ощутили замешательство, многие попытались на него ответить. Каждый попытался ответить по-своему: через поиск дополнительной информации, поездку в Париж на манифестацию, или обсуждение событий с другими людьми. Каждый должен проверить, избавили ли его усилия от страха, позволили ли преодолеть замешательство. Жизнь никому не делает скидок – неважно, есть у вас плакат Движения или нет. Часто мы словно прикрываем плакатом Движения свою наготу: нам нужно что-то раздать другим, не думая об этом. Я не говорю, что мы больше не будем публиковать плакаты, мы выпустим еще не один по разным поводам. Наша сегодняшняя проблема состоит в попытке рассмотреть собственные усилия перед лицом описанного замешательства; пусть каждый взглянет на себя и вынесет суждение. В связи с вышесказанным меня поразил один текст (*Natale: il mistero della tenerezza di Dio*. Tracce. № 11. 2005. P. 1–2), сопровождавший меня все рождественское время. В нем Джуссани говорит о том, как мы ищем состоятельность в том, что делаем или чем обладаем. Именно из-за нашей несостоятельности мы часто полагаем, будто необходимо хоть что-то сделать, и в собственных действиях ищем ответ на нашу несостоятельность. И мы действуем (каждый может вспомнить, что он сделал), но не избавляемся от несостоятельности. Сколько человек вернулись после манифестаций в Париже менее напуганными и растерянными? Вот поэтому-то Джуссани настаивает: если мы ищем состоятельность в том, «что делаем или чем обладаем <...>, в нашей жизни нет того чувства, того опыта полной уверенности, который выражается словом “мир”, той полной уверенности, тех уверенности и полноты, без которых не существует мира, а поэтому нет ни веселья, ни радости. В лучшем случае мы достигаем чувства удовлетворения от наших дел или от самих себя. И эти обрывки удовлетворения не приносят нам веселья, не доставляют радости, не дают уверенной полноты, никакой уверенности, никакой полноты». Не понимая этого, мы продолжаем предлагать решения, которые, собственно, и приводят в замешательство. Но в то же самое время есть среди нас и те, кто не растерялся. Почему? Причина не в том, что они особенно умны или владеют бóльшим количеством информации. Один из нас сказал недавно: «Перед лицом парижских событий в голову первым делом пришла мысль о жизни в Движении». Прежде какого-либо другого размышления мысль устремилась к жизни в Движении, к тому, чем мы живем, ведь жизнь, ведущая к состоятельности, захватывает. Почему? Потому что уверенность зиждется не на наших делах, продолжает Джуссани, «а на том, что с нами произошло. Наша идентичность, состоятельность нашей личности, уверенность во времени совпадают – буквально “совпадают” – с тем, что с нами произошло». Или лучше, говорит Джуссани, цитируя Мунье: «С нами Кто-то произошел». Это суждение. Оно не является результатом более тонкого анализа, поскольку, по словам Честертона, проблема ученых не в том, что они не видят ответ, а в непонимании проблемы, загадки, в силу которого они не могут уловить ответ. Отец Джуссани постоянно настаивает на том, что без развития религиозного чувства, без понимания проблемы мы не сможем понять ответ, как говорили сегодня вечером некоторые из вас. Он перед нашими глазами, мы только что отпраздновали Рождество. Но мы не улавливаем его, потому что постоянно думаем о необходимости сделать что-то еще. Нам кажется, что удовлетвориться Рождеством – это мистическая позиция. Чтобы ответить на события, подобные парижским, нужно совсем другое... словно и не было того, что мы сказали на упражнениях Братства (особенно в первой лекции), на Дне начала года, на «Первых

страницах» майского и декабрьского *Tracce*, в рождественском письме в *Corriere della Sera*! А потом мы говорим, что Движение не выносит суждения, что оно не имеет культурного измерения! Как я сказал на последней школе общины, повторять слова недостаточно. Блудному сыну недостаточно было родиться в семье, иметь отца и дом, чтобы осознать значение находящегося перед его глазами, и ему пришлось проделать определенный путь, чтобы понять это. Не проделав подобный путь, мы ничего не поймем, как не понял сын, оставшийся дома. Дело не том, чтобы уйти из дома: мы можем принадлежать Движению и не проделывать определенный путь, быть как брат, оставшийся дома и еще не понявший. Откуда мы ожидаем спасения? От реакции? От объяснения? Или от жизни, которую встретили, сотканной из того, чем мы живем? Здесь перед нами снова встает вопрос о взаимоотношении между истиной и свободой, о котором мы так часто говорили в последнее время. Нет иного доступа к тому, чем мы живем, кроме свободы, как видно из истории о блудном сыне. И мы, христиане, можем продумывать ответы, созвучные жестокой логике террористов. Как часто мы полагаем, что в определенной ситуации требуется ответ «на высоте», поскольку замысел Бога кажется нам слишком незначительным, чтобы поменять реальность? Кто мог бы подумать, как мы сказали на Рождество, что, избрав одного человека, Авраама, Бог сможет изменить мир? Итак, мы находимся перед выбором, перед которым оказался когда-то и народ Израиля: Варавва или Иисус. Варавва не столько преступник, как мы часто его представляем, сколько борец с римскими оккупантами, использовавший, по мнению народа, более эффективное оружие. Метод Иисуса казался слишком малоэффективным. Даже Петр в Гефсиманском саду думал, как Варавва. Мы должны принять решение. Нас никто не избавил от выбора между Вараввой и Иисусом. И у нас есть искушение думать, что нам слишком мало Христа. Но когда мы живем той жизнью, что была нам дана, и отвечаем на нужды (или делаем каритативу, или занимаемся со студентами) тех, кто нас встречает, к какой бы религии они ни принадлежали, эти люди находят нечто, заставляющее их сказать (как один мусульманин сказал нашему другу): «Увидев такую жизнь, я не могу не изменить свою собственную». Или как сказал другой мусульманин с большим чувством юмора: «Сейчас я в большей степени мусульманин, чем раньше, но проблема ислама в том, что у него нет групп “Студенческой молодежи”, то есть места, где я становился бы самим собой». Именно это и называется жизнью Церкви, о которой говорится в первой главе книги. Жизнь, поразившая нас, может поразить и других. У нас, христиан Европы, есть одна проблема: других не нужно искать неизвестно где, другие живут с нами рядом и придерживаются самых разных религиозных взглядов. Проблема в том, *что* они видят, когда встречаются с нами.